

Глава 3

Сяо Линь очнулся мгновенно — и тело отозвалось куда быстрее, чем он ожидал.

Феромоны, успевшие рассеяться в воздухе, снова сгустились.

Всё шло само собой, как и должно: альфа обнимает омегу в период гона, лишних слов не нужно — просто насыщай его, насколько хватает сил. Но Сяо Линь всё же почувствовал разницу. Цинь Шэнсюэ изменился. Стал активнее.

Не то что прежде — когда гормоны периода гона правили им безраздельно и он просто позволял всему происходить, мягкий и послушный. На этот раз омега брал инициативу в свои руки.

У уха звучал голос жены — тихий, красивый, с лёгкой одышкой, — и этот голос причинял Сяо Линю почти физическую боль от желания.

— Помедленнее... посильнее...

Цинь Шэнсюэ был в его одежде, окутан его запахом, — и это ощущение полного обладания было до того восхитительным, что безошибочно попадало в самую сердцевину альфийского инстинкта: завоевать, присвоить, владеть.

Сяо Линь не удержался — снова потянулся к шее, к этому месту, от которого исходил аромат, от которого зудели клыки. Он хотел метки. Настоящей. Своей.

Цинь Шэнсюэ, конечно, понял его намерение. Запрокинул голову, подставляя нежную шею прямо к губам альфы.

Не потому, что захмелел от желания и хотел метки щенка. Просто знал: ничего не выйдет.

Концентрация феромонов альфы уже падала — он это чувствовал. Целая неделя непрерывного гона выжимала своё: тело не страдало, высокий темп вполне переносился, — но железа не может бесконечно производить феромоны нужной плотности.

Для другого омеги, может, и хватило бы. Сяо Линь был безусловно хорош — его феромоны, даже ослабленные, всё равно несли в себе что-то острое, почти агрессивное.

Но сейчас перед ним был Цинь Шэнсюэ.

Сильный омега — это не тот, кого может пометить кто попало. Причина неудач крылась не

только в следах чужих феромонов.

Логика здесь та же, что у старых людей: слабые сперматозоиды и эмбрионы в конечном счёте отторгаются сильным здоровым телом матери.

Да, эволюция новых людей — это результат того, как гены борются за собственное сохранение. Но гены же и установили ограничения. Естественный отбор был и остаётся первым законом природы.

Цинь Шэнсюэ шёл на шаг впереди всего человечества. Просто быть хорошим — недостаточно, чтобы претендовать на него.

Хочешь по-настоящему владеть им? Слить с ним свои гены, перестроить его тело под себя?

Сяо Линь пока на это не способен. По крайней мере — сейчас.

Цинь Шэнсюэ чуть опустил ресницы, пряча под ними лёгкую насмешку. Нежная, мягкая внешность — лучшая маскировка для омеги.

— Не торопись, — произнёс он голосом, тёплым и обволакивающим, способным пропитать насквозь.

Сяо Линь поднял глаза — и встретил его взгляд. За влажными ресницами янтарные глаза светились чем-то похожим на колдовство, без усилий захватывая молодое сердце и сглаживая всякое разочарование.

Поцелуй — невесомый, сладкий.

Как будто говорил: ничего страшного, что не вышло. Я здесь. Пробуй столько, сколько захочешь.

Сяо Линь успокоился. Собрался. И снова принялся насыщать своего омегу, который, казалось, никогда не насытится до конца.

Цинь Шэнсюэ и правда был ненасытен. Поначалу нежность была уместна — но сейчас аппетит проснулся в полную силу, и он вовсе не хотел, чтобы малыш и дальше осторожничал.

«Вот же, — мелькнуло у него в голове, — зря только что успокаивал».

Но рассудок работал чётко: повторяющийся период гона явно уже не так кружил голову, как в самом начале.

И когда Сяо Линь попытался сменить позу — удобнее для него, — Цинь Шэнсюэ сказал тихо, но без малейших сомнений:

— Сзади. Кусай железу. Мне будет лучше.

Сяо Линь послушался.

Но сердце, только что размягчённое нежностью жены, теперь забеспокоилось.

Они... они же так не делали раньше!

Это был первый раз Сяо Линя с омегой — ни опыта, ни знаний, только инстинкт.

К Цинь Шэнсюэ он проникся с первого взгляда. Поверхностно? Может быть. Но А-Сюэ такой красивый, так восхитительно пахнет — ни один альфа не устоит. А потом, когда пригляделся ближе, полюбил ещё сильнее: не только внешность, не только запах — характер тихий, нежный, всё как надо. Идеальная жена.

Первая влюблённость — Сяо Линь хотел смотреть на него постоянно. На красивое лицо. Склониться пониже и поймать губами те губы — как цветочные лепестки. Влажные глаза.

Но сейчас... он сказал... будет лучше...

Сяо Линь послушался. И разум его взорвался.

Цинь Шэнсюэ устроился на кровати поудобнее, нашёл позу, в которой не надо прикладывать лишних усилий, — чтобы Сяо Линю было проще продолжать. Одежда медленно сползла вперёд.

Сяо Линь положил ладони на его талию.

Тонкая. Хрупкая — омеги всегда уступали альфам в телосложении, и даже только что достигший совершеннолетия Сяо Линь мог, казалось, обхватить эту талию одной рукой.

Но тонкость и хрупкость не значили удобу — совсем наоборот. Ни единого лишнего угла, каждый изгиб выверен до совершенства, ни одной выступающей кости, а линия от талии вниз была и вовсе безупречна.

С этого угла — убийственно. Ноги длинные, и — Сяо Линь ахнул мысленно — ямочки над поясницей.

И тут в голове зазвучало невыносимое: а вдруг кто-то уже смотрел на него вот так? Вот с этого угла — и наслаждался, и замечал эти ямочки?

Вот поэтому и знает. Поэтому сказал, что так будет лучше.

Сяо Линь едва не скрипел зубами. Хотел быть нежным — а с каждой такой мыслью нежность улетала всё дальше.

В нём пылала альфийская ревность.

Цинь Шэнсюэ охрип от собственных криков. И в глубине души признал: ревность сильнее любого возбуждителя.

Он и сам был хорош: когда хотел нежности — поддразнивал, подбадривал, укрощал. Когда хотел большего — давал «ценные указания». Дразнить щенка оказалось куда веселее, чем он ожидал. Сейчас он чувствовал себя совершенно в своей стихии — и не мог удержаться.

Когда ощущения немного улеглись, Цинь Шэнсюэ притворился, что мысли унеслись куда-то далеко.

Сяо Линь не сводил с него глаз почти беспрестанно — и в конце концов не выдержал:

— О чём думаешь?

На самом деле он хотел спросить: о ком?

Молодые — вся душа у них на лице. Как Цинь Шэнсюэ мог не прочесть?

Он намеренно помедлил — для правдоподобия — и опустил ресницы:

— Ни о чём.

Сяо Линь мгновенно вспыхнул ревностью до помутнения, и в следующий раз был особенно неудержим.

Он и сам понимал: он пришёл позже, не имеет права требовать. Но одно дело — понимать умом, другое — жить с этим. Альфа не может просто взять и отпустить.

Всему, что умеет жена, его научил кто-то другой!

Сяо Линю было горько до зависти — и ещё горше от того, что сам он в своё время не позаботился узнать побольше. Будь он достаточно хорош — разве омега стал бы его учить?

Может, поискать какие-нибудь материалы?..

Молодой альфа терзался, страдал, боялся потерять и боялся не удержать — пока не выжал из себя всё до дна, без остатка, и не уснул, намертво вцепившись в жену.

Цинь Шэнсюэ остался доволен в полной мере. Когда он снова открыл глаза, Сяо Линь спал с плотно сдвинутыми бровями — будто решал в уме трудную задачу. Это рассмешило.

Ах, какой милый.

Цинь Шэнсюэ поцеловал его в нахмуренный лоб. Строго говоря, мужчиной его ещё не назовёшь — красивое лицо всё ещё хранило юношескую неловкость. Наверное, поэтому Сяо Линь и не вызывал у него того привычного раздражения, что копилось при виде большинства альф.

Но этим всё и ограничивалось.

Цинь Шэнсюэ слегка прикусил кончик носа спящего. Вот нехороший ребёнок — где научился не разжимать объятий даже во сне? Уж он точно этому не учил.

Браслет показывал: гормональный уровень в норме уже почти сорок восемь часов подряд. Эта неделя была приятной, но Цинь Шэнсюэ не собирался тратить время впустую — дел ждало слишком много.

Отправив сообщение Марку, он снова поднялся с кровати. Ноги по-прежнему немного подкашивались — но в целом голова была ясной и на душе было легко.

Увидев Шу Яня, Цинь Шэнсюэ расплылся в улыбке:

— Доктор! Я выздоровел!

Шу Янь мысленно вздохнул, чувствуя себя сообщником в чём-то неприглядном. Запах сказал всё без слов: маленький альфа снова отдал старому прохиндею все свои феромоны до капли.

Осмотр прошёл без сюрпризов. Все показатели Цинь Шэнсюэ шли вверх, приближаясь к норме. Высшие чины Федерального военного ведомства, давно ждавшие новостей, облегчённо выдохнули, узнав, что он восстанавливается.

Впрочем, одних показателей было мало.

Работа Цинь Шэнсюэ всегда предполагала риск первой линии. Помимо физического здоровья, впереди его ждал целый ряд аттестаций — в том числе психологическая.

Военная форма сидела на нём безупречно. Появись он сейчас на улице — прохожие бы столпились в немом изумлении.

Омега. В звании полковника. Не на штабной должности.

Одних эполетов хватало, чтобы сказать всё — а ещё орденские ленты на груди, каждая из которых свидетельствовала о пройденных испытаниях. Боец. Настоящий, без всяких оговорок.

Жаль, что здесь не было восхищённой публики — только альфы, которые при виде него поспешно жались по углам.

Одинокие боялись совершить какую-нибудь оплошность и получить за это. Женатые помнили, чем кончались такие встречи, и предпочитали держаться подальше.

Цинь Шэнсюэ видел, как один человек уже было зашёл в лифт — двери ещё не закрылись, — увидел его, вылетел пулей и скрылся за поворотом.

— Куда бежишь!

Так улизнул — а ведь он как раз хотел спросить, кто сегодня ведёт аттестацию.

Вот же напасть. Туда сходи, это проверь, то оцени — да провалитесь вы все.

Физически здоров — возвращайся на службу, и всё тут. Зачем городить огород!

Проходя мимо небольшого круглого робота в коридоре, Цинь Шэнсюэ притормозил и обернулся. Робот-гадатель — заодно выполнял функции уборщика. Говорят, кто-то из прежних маршалов счёл атмосферу в военном ведомстве слишком гнетущей и распорядился добавить несколько «развлекательных элементов».

Цинь Шэнсюэ хмыкнул. Звёздная эра, а они — в кибергадалку играют. Станный вкус у людей.

Тем не менее он встал у робота на пути и потребовал предсказания на сегодня.

Маленький круглый робот никуда деться не мог — пришлось гадать. Результат: малое благополучие.

Цинь Шэнсюэ остался недоволен. Потребовал повторить.

Два раза подряд — снова малое благополучие. Цинь Шэнсюэ упёрся: ещё раз. На экране появилось: «Несчастье».

Цинь Шэнсюэ:

Иди ты.

Он пнул робота. Тот, однако, оказался не промах — конструкция «ванька-встанька», — качнулся, устоял и занял прежнее место.

Тут Цинь Шэнсюэ подумал, что кибергадалка иногда и впрямь что-то знает.

— Не прошли?

Цинь Шэнсюэ решил, что ослышался. Попросил повторить.

Пятеро аттестаторов. Четверо молча сделали шаг назад. Только тот, что стоял в центре — темноволосый, зеленоглазый, с внешностью, которую можно назвать красивой, — произнёс спокойно:

— Полковник Цинь, ваше состояние недостаточно стабильно для возвращения на передовую.

Молодой, но генерал-майор. На вид — едва за тридцать. У альф карьера идёт быстрее, но не настолько, чтобы в таком возрасте получить генерал-майора просто так, — значит, и происхождение было подходящее, и сам он не промах.

— «Недостаточно стабильно» — это как понимать? Мой гормональный уровень в норме уже больше сорока восьми часов. Медосмотр пройден. После того, как вы украли у меня почти два часа жизни, — вы говорите мне, что я нестабилен?

Цинь Шэнсюэ смотрел на него в упор. Янтарные глаза — и вдруг вокруг зрачков вспыхнули золотые искры, как в кино про спецэффекты. Красивое лицо приобрело что-то нечеловеческое.

Голос упал до ледяной отчётливости:

— Измените результат. Поставьте «годен».

В небольшом кабинете все пятеро на миг замерли. Потом один из них поднял руку — уже тянулся вводить биометрические данные — и вдруг почувствовал, как другая рука крепко

накрыла его запястье.

В глазах темноволосого генерал-майора тоже заплескал свет — приглушённый, тёмно-зелёный, — пока он из последних сил удерживал собственное сознание от вторжения и одновременно не давал коллеге поддаться чужой воле. Положение было не из лёгких. Хорошо хоть знал заранее, что придётся аттестовать Цинь Шэнсюэ, — хоть какая-то подготовка была.

— Полковник, — произнёс Лоренцо, — прошу прекратить. Аттестация ведётся в режиме реального времени; даже если вы принудите нас изменить протокол, на итоговый результат это не повлияет.

Золото в глазах Цинь Шэнсюэ погасло. Четверо аттестаторов пришли в себя и жались в дальнем углу, поглощённые внутренним потрясением.

Вот почему! Вот почему он сумел взять в плен самого Ремиеля, наследного принца звёздных пиратов! Он ментальный пользователь!

Лоренцо, увидев, что Цинь Шэнсюэ остановился, чуть расслабился. Исход этого противостояния был очевиден с самого начала.

— Полковник, примите мои извинения. Я несу ответственность за вашу безопасность. Временная пауза — это меньшее из зол. Потерять вас — вот что военное ведомство не может себе позволить.

Цинь Шэнсюэ опустил на стул, приподнял подбородок. Продолжай.

— Все ваши показатели восстановились, это верно. Однако ситуация — период гона, запущенный меткой, без последующей полной маркировки — создаёт слишком много неустойчивых факторов. Физически: возможна зависимость от феромонов альфы. Психологически — тоже. К тому же супрессанты на вас уже не действуют. Нам необходим более длительный период наблюдения, прежде чем мы сможем с уверенностью вернуть вас на прежнюю должность.

Цинь Шэнсюэ усмехнулся:

— Зависимость? Вы — обо мне?

Лицо осталось непроницаемым.

— Тогда делайте по первоначальному плану. Удалите железу.

Не противься тогда та банда стариков — он бы давно уже это сделал.

Лоренцо не стал ходить вокруг да около:

— Риски после удаления железы столь же непредсказуемы. Вероятность возвращения на службу только снизится.

Цинь Шэнсюэ взорвался внутри. И так нельзя, и эдак нельзя!

Вот именно — нечего было связываться с альфами! Одна сплошная морока!

Он встал и направился к выходу. Лоренцо негромко произнёс:

— Полковник. Один личный вопрос.

Цинь Шэнсюэ обернулся. Лицо — тёмнее тучи.

— Говори.

— Я тоже был в вашем списке кандидатов. Почему вы меня не выбрали?

Цинь Шэнсюэ уставился на него:

—...Это что, месть? Завернул меня из обиды, что не взяли?

— Прошу верить в мой профессионализм, — спокойно ответил Лоренцо. — Но, полковник, у вас ещё есть возможность пересмотреть выбор.

Цинь Шэнсюэ показал ему средний палец.

Выбрать тебя. Размечтался.

В этот момент зазвонил коммуникатор. Цинь Шэнсюэ ответил — и Марк сообщил ему кое-что похуже незачёта. Кое-что, от чего дышать стало нечем.

— Ремиель сбежал. И оставил тебе в камере послание кровью: ты навсегда останешься его единственной любовью.

Цинь Шэнсюэ почти физически ощутил желание убить всех альф на свете.